
Вадим Подгорак
Иной Мадьяр
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Вадим Полторак

Иной Мадьяр

«Автор»
2026

Полторак В.

Иной Мадьяр / В. Полторак — «Автор», 2026

Антон, став невольным орудием чужой интриги, рушит свою «удачную» жизнь и бежит — от погони, от себя, от вины за погибшего друга. В Карпатах его находит Зося: отчаянная, верующая, влюблённая. Вместе им предстоит скрываться в горах, выживать и отвечать на вопрос, который не отменяет ни погоня, ни автомат в рюкзаке: можно ли начать настоящую жизнь, когда за всё придётся платить?

© Полторак В., 2026
© Автор, 2026

Вадим Полторак
Иной Мадьяр

Вадим ПОЛТОРАК

ИНОЙ МАДЬЯР

Иной мадьяр не виноват, что он мадьяр
Швейк

В этом старинном уездном городке я оказался совершенно случайно. У меня была толика денег, но пропасть времени – и вот я установил режим беспощадной экономии, чтобы на сумму эту прожить как можно дольше.

Каждое утро, едва рассветало, заставлял себя бежать. Бегал по разным дорогам, узнавая городок и окрестные деревеньки. Редкие прохожие удивлялись, а то и шарахались. Тело скрипело и ныло в самых разных местах, но я с дурацким злорадством истязал его, увеличивая нагрузки, – как будто именно оно было во всем виновато.

А как еще мне было казнить себя? Запас язвительных слов был израсходован в первые дни. Память прокручивала одни и те же картины, как закольцованную киноленту. Картины, от которых сперва обдавало жаром стыда, а теперь только покалывало где-то под диафрагмой. Хорошо еще, что по ночам «кина» не было. Я вообще не видывал связных ночных картинок, во сне – только сумбур да нелепости.

Ныне в остуде и одиночестве меня поражала степень собственного ослепления. Надутый индюк – гордился честностью и неподкупностью, а поймался на наживку самой грубой лести. Премия «Золотое перо», премия «Стиль», похвальные отзывы «стариков»... ведро бы тебе из сортира на голову!

Они подбросили мне эксклюзивный компромат, дали сладкую возможность заиграться в роли Шерлока Холмса, создали искусственное, но как будто только мною самим преодоленное препятствие – и все для того, чтобы я взорвал бомбу, самую мощную в своей газетной практике.

И когда экстаз борьбы сменился привычной опустошенностью и дым от взрыва стал рассеиваться, ко мне явилось мордатое чмо и нагло, в открытую положило на стол жирную пачку как бы нарочито залапанных бумажек.

– Шеф велел передать, что остается вашим должником и готов исполнить любое пожелание. Ведь вы размели наших конкурентов в пыль!

Дальше было совсем скверно. Я заорал, бросил ему пачку в морду, ворвался в кабинет редактора и визжал там буквально как свинья под неверным ножом.

– Ну-ну, малыш! – от звука его отлаженного лживого голоса у женщин, как говорили, начиналась дрожь в коленках. – Мы замечательно поработали. Ты никогда не был столь великолепен. Ты стал мужчиной, и тебя ждет еще много побед.

– А ты!.. Ты!.. – визжал все еще недорезанный подсвинок, – ты – собачье дерьмо на выставке орхидей!.. Последняя шлюха возвышается над тобой, как Монблан!.. Ты солитер в кишке пахана, опарыш в отхожей яме!..

Бывает так, что ничего не остается, кроме как покончить с собой.

И я покончил.

Вспомнил о наследственном домике бабушки и нырнул в него, как в инобытие.

Я ушел от всех «своих», не сказавшись, потому что для них в произошедшем ничто не казалось страшным: с волками жить – по-волчьи выть.

Если бы я прежде не возносился – не пришлось бы и расшлепываться в блин. А теперь у меня не было пути, и только по-детски хотелось удрать в позапрошлый век, где дуэльный пистолет ставил классную точку в конце неверной фразы.

И вот я бегаю по городку, копаю огородик, да еще захаживаю в церковь на площади – единственное место, где можно вообразить себя в позапрошлом веке. Я, конечно, и там чужой, и бабки шпыняют, чтоб не торчал столбом, и глаза приходится закрывать, чтобы по привычке не отмечали деталей для журналистских надобностей, – но есть там такое пение, ну хоть бы вот это... «Господи, воззвах к Тебе, услышь меня...».

Сказать ежели совсем без вранья – а я так себе положил, что при ловле на вранье добавлял лишний километр бега, – ничто не помогало радикально. Новая жизнь не складывалась. Временами так было паршиво – хоть вой. И что дальше? Что? Куда бежать?

Когда-то посмеивался над дурацкой фразой «Никто меня не понимает», – было бы, дескать, чего понимать. Ну а как рассказать другому про мое крушение, если для него оно и не крушение вовсе, а нормалек? Под машину не попал, все цело, газет теперь всяких навалом – зарабатывай...

В нашем не блистательном храме я всегда видел ее на одном месте – у иконы Богоматери, и всегда на коленях. Вот, говорю себе, – смирение, терпение и прочие добродетели, коих у меня отродясь не бывало. Учись, твержу, паскудный пацан! Ну, я и без нее понимал подпорченным журналистикой мозгом, что нельзя ставить собственную тоску в центр мироздания, что многим просто хуже – ну и так далее. Только сколько ни уговаривай, а чужая боль свою не утишает. Или я просто неисправимый эгоист.

Однажды она поднялась, опираясь на палку, и повернулась прямо на меня. И я содрогнулся. Половина лица была жутко искорежена, а взгляд единственного глаза при встрече с моим любопытством просто ошпаривал.

И все-таки я почему-то отправился за ней.

С площади она свернула в проулочек с одноэтажными домиками. Потом еще раз. И когда я, убыстряясь, проделал то же, она стояла за углом, опираясь на палку.

– Ну, – сказала она с какой-то странной хрипотой. После я понял, что странность заключалась в наложении хрипоты на голос не глухой, а достаточно звонкий, да еще с невозможным бульканьем.

– Я... ничего...

И пошел, и пошел вперед, пристыженный этим ошпаривающим взглядом.

На этом бы и закончить. И все-таки я еще несколько раз пытался издали осторожно проследить за старухой, покуда не повезло.

Это было в воскресенье после литургии, некоторый народ гулял, как мог, и к ней прицепились трое подростков. Они плелись сзади и деланными голосами шипели: «Ведьма, у-у-у, ведьма!..» А после стали бросать комьями глины с обочины. Как положено странствующему рыцарю, я прихватил двоих за шкирки и слегка потер лбами. Это были хилячки от телевизора, они едва не обделались и быстро исчезли – все трое.

– И что дальше? – спросила она с той же хрипотой и бульканьем.

– Если не возражаете, я провожу вас.

– И то. Никуда от вашей конторы не денешься. Давненько не виделись, забывать стала. Пошли.

У несчастной, видно, и в голове – как на лице. Зачем привязался к убогой? Я ведь не желаю ничего изучать и описывать...

Мы проходили мимо крохотного магазинчика в обычном деревянном доме.

– Если есть деньги – купите кофе.

Я купил банку, мы добрели до хибары, окруженной разнообразной дикой порослью. Это и была ее избушка на курьих ножках.

В единственной комнате оказалось на удивление чисто и даже просторно – из-за отсутствия мебели. Стол, правда, был, дощатый. И табурет. Лежанка у печки. И никаких запахов, обычно сопровождающих приготовление пищи.

Икона Богородицы в углу.

Моя героиня ловко растопила самоварчик, труба которого была врезана в дымоход. Уступила мне табурет, а сама устроилась на ящике.

И вот мы пьем кофе из кружек. Она себе намешала столько, что впору взорваться.

– У меня где-то есть сахар, пощу, если надо.

– Благодарю вас, не беспокойтесь.

Я стараюсь не встречаться с ошпаривающим взглядом и не глядеть на уничтоженную часть лица. Мне на табурете – как на позорище. Скорей допить черную отраву да откланяться.

– Ну-с, так что вы желаете выведать, товарищ старший лейтенант?

Никогда еще не слыхал, чтобы слово так сочилось ядом, как этот «товарищ».

– Какой... лейтенант?

– Не похоже, чтобы вы доросли уже до капитана.

– Я... нет... я бывший журналист... Можете проверить...

И из меня полилось. Впервые я рассказывал свою историю и, наверное, в самом неподходящем месте.

Я то кипел, как самовар, то чуть не разрыдался, то доказывал, доказывал... Короче, вполне упал в какое-то истерическое состояние. Не кружка отравы, а пара хорошеньких оплеух – вот что тогда бы мне помогло.

– Ну да, да... – хрипло пробулькала она. – Когда врачи вернули меня к жизни, я тоже не обрадовалась. А потом, за восемнадцать тюремных лет, – что, не хотелось мне разом покончить... Да перестаньте прятать глаза! Надо быть крепче, вы не барышня! У вас впереди и жизнь, и смерть – так вот, взгляните прямо и подумайте: разве имеет хоть какой-то смысл мое существование среди людей? Ну? А кто же за меня покается? Люди злы, а Господь милосерд. Мы обречены до конца претерпевать эту земную бодягу. Терпеть. Терпеть. Даже когда свыше всяких сил...

После малодушной истерики я сидел на табурете мокрый, как из бани, и попытался оправдаться:

– Я стараюсь. Я даже бегаю до изнурения, чтобы не поддаваться жалости к себе.

Взгляд ее единственного глаза уже не ошпаривал. В нем появилось столько всего, что не с проницательностью газетного шакала это все разобрать. Но юмор там был. Точно говорю вам, был. На этом лице, не способном к мимике, улыбался глаз.

– Как вас зовут все-таки, юноша?

– Антон.

– Антон? – Она забулькала, захрипела и закашлялась одновременно. Клянусь, это был смех. – Ну какой же из вас Антон?

Пожалуй, это уж слишком. Скажем, какой из меня журналист – пусть. Какой осмыслитель жизни – тоже верно. Какой умелец практических хитростей – согласен, трижды согласен. Из всяческих гордостей осталась у меня, наверное, одна: я более беспощаден к себе, чем любой мой враг. Но имя! Антон я, и всегда назывался Антоном, без всяких уменьшительно-ласкательных глупостей, которые пресекал.

Она снова насыпала в кружку зелья, залила кипятком и сказала:

– Ладно, я расскажу вам. Может быть, все это не просто случай. Может, так надо. Вы ведь, нынешние, зацентропуплены в своей окружности. Короче, дело было до вашего появления на свет, мальчик...

Ресторан «Гуцульщина», рубленный из отборных смерек – карпатских елей, – деревянные резные люстры, дубовые столы, официантки в нарядах от ансамбля песни и пляски. Колыба – какая-то безголовая пародия на колокольню, из бревенчатой «шеи» у нее струится дымок: туристы жарят свиные шашлыки , толкаясь за местечко у похожих на больные птичьи глаза углей; эти глаза то подергиваются пленочкой, то вспыхивают лихорадочным жаром, и перескакивают между ними синие недолгие огоньки.

А еще всегда несытые туристы хватают карпатские сувениры, размалеванную деревянную ненужность, киптарики – вышитые ярко по черному сукну жилетки, недорогие белые грибы; и от водопада на Пруте, от местного базара рассыпаются к окраинам в лихой надежде, что повезет оторвать по дешевке свитер, расписную ореховую палку, овечью шкуру или незатруднительное приключение по амурной части.

Антон старался либо обходить орду по касательной, либо втыкаться в самую гущу – и тогда он в выгоревшей своей шерстяной олимпийке, в стоптанных кедах и в такой модной, но дурацкой на его взгляд стрижке, сочетающей длинные волосы с висячими казацкими усами, – так вот, тогда он исчезал в толпе, растворялся, оставаясь сам по себе.

Пожалуй, отчасти он просто завидовал этим восторженным и загребущим компанийкам, их нахальной уверенности, что все вокруг, включая истоптанную Говерлу, произведено для их безоглядного пользования – во всяком случае, на срок путевки. Но и Антон по-своему не терял времени, пока в одиночестве бегал в этих истертых горах: он строил и отвергал планы. Чтобы потом, лежа под уходящими в высь стволами гуцульских смерек, придумать еще один, такой же несбыточный, как остальные.

В последние дни он нервничал как-то больше обычного, а причину беспокойства отыскать не мог; и он старательно смазывался в толпе, сидел в столовой у раскрытого окна, держа вход под наблюдением, и спал не в своей законной койке, а поменявшись с бывшим примерным семьянином, угоревшим от доступных девок. Но сам Антон знал, что детские его хитрости хороши лишь для игры в кошки-мышки. Нет-нет, надо что-то решать и срочно сматываться. А неохота, как-то пригрелся здесь... Или зря он паникует?

Нет, не зря.

Антон нырнул в сторону и упал в траву за старым грабом. Полежал, поглядел на букашек. Улыбнулся с облегчением даже. Поздно сматываться, и некуда.

На тропинке появилась девица в джинсах и черной футболке. Заторопилась, явно выслеживая кого-то. Ишь, засуетилась, заметалась... маловыученная, видно. Антон, скрытый стволом дерева, осторожно поднялся, подпрыгнул и подтянулся, уцепившись за сук. Обзор вполне приличный – но нигде никого. Ну и ну!.. Выходит, что ли, один на один? Так ведь это совсем не страшно – один на один с кем угодно, не только с этой раззявой.

Он бесшумно спустился и сам превратился в охотника. Черная футболочка пометалась еще из стороны в сторону, остановилась, снова вперед – да только уже без всякого азарта, даже как бы в отчаянии. А не берись не за свое дело!..

Когда Антон положил ей руку на плечо, она так вскинулась, что рука его сразу слетела. Но обернувшись и увидев Антона, просияла, как водопадик ихний кукольный, что у «Гуцульщины», от косого утреннего луча. Считает, значит, что ей подфартило...

– Не меня ли барышня здесь ищет?

– Да, – храбро ответила она, – вас.

– Оно и легче, без вранья... Идите-ка вперед, барышня, только тихо и без жестов.

Она послушно шла вперед, даже как бы пританцовывая от удовольствия, иногда порывисто оборачиваясь, чтобы убедиться, что он не исчез.

– Влево. Так-так... А теперь все прямо. Пришли. Располагайтесь, как дома.

Антон почти успокоился. Отсюда прекрасный обзор, а сами под защитой густой поросли терна.

– Начнем с анкеты, да? Ваше воинское звание?

– Что? Как странно... Да, знаете, я младший лейтенант запаса... химической службы.

– Я про другое. Где вы *сейчас* служите?

– Вообще-то в одном НИИ, но это все пустое... Почему вы не спрашиваете, как меня звать? Мама меня называла Зося. Это по-польски. Пан ниц нэ разуме по-польскему? Ну и не важно. По-русски меня можно звать Соней. Я и правда ужасная соня...

– Это все здорово, Зося. А если ближе к делу?

– Ну, я так сразу не могу... Знаете, мама меня учила первым делом соблюдать приличия. А приличия требуют познакомиться...

– Ничего себе! Мама – это, что ли, майор? Или кто у вас там? Начальник курсов?

– Мама – это мама. Пока она жива, что бы с тобой ни случилось... самое ужасное... у тебя еще есть убежище, ты еще нужен... А потом – все...

– Значит, приказано тянуть время? Нет уж, Зося, давайте сразу и прямо!

– Вот так прямо и выкладывать?

– Ага.

– Ой, ну страшно ведь!..

– У меня нет времени. Зачем вы за мной ходили?

– Я хотела сказать... Ну что вы, правда!.. Ну, я хотела вам сказать... что люблю вас, и все!

– Здрасьте! –сказал Антон в растерянности. Такого чисто женского хода он предвидеть не мог.

– Здравствуйте.

Спокойно, спокойно, отчего бы у них не служить и лучшим бабам? Льготы, шмоты и романтика... У блатных тоже встречаются крали из краль... А эта, может, и взаправду полька... носик, ротик... какая разница? А глазки так и играют... Не боится, дура.

– Я не люблю черненьких, – сказал он грубо.

– И только? Так я могу к утру стать беленькой, рыженькой, зелененькой, наконец! Выбирайте.

Получается, что ли, вместо десятка мордоворотов шлют одну актерочку. Ах, я вас люблю!.. Нашли идиота. Да этой черной футболочке хватит десяти минут танцулек, чтобы взять любого... ну, хотя бы на время... Не с руки бы ей карабкаться за Антоном, рискуя – ох как еще рискуя! – нарваться на неприятность... Кое-какой опыт с женщинами у Антона был, и так случалось, и этак, такое иногда несут... кино! Правда, когда туман рассеется, видно, что выгоду свою все понимают... И она, видишь, сияет, орден, может, или славу в газетах посулили... Но – храбра! Ротик заткнуть, связать да и оставить, где заросли погуще, пусть свои ищут... зарплата все равно идет... и еще, наверно, за особый риск...

– Послушайте, не думайте ничего... Ну, неприлично и глупо... но правда! Я вас увидела и полюбила – это ведь сплошь и рядом... говорить только нельзя. А я вот говорю!

– Послушайте, Зося, – сказал он медленно и путаясь. – Я, конечно, это... благодарен за добрые чувства... чем только заслужил? Но нам не по пути, точно. Мне надо сма... сматывать удочки. Вот. И на ваши крючки мне клевать некогда. Как говорил у нас один лейтенант, нету шансов для романсов, нету манов для романов.

– Глупый у вас был лейтенант. Разве я о романах? Если на то пошло, так я сматываюсь с вами, и все.

– И никакой мужик за вами не увяжется?

– Я была замужем... Пока не увидела вас. Теперь не стоит об этом. Затем, что ветру и орлу, и сердцу девы нет закона...

– И вы считаете, в это можно поверить?

– Труднее всего поверить правде.

– Да вы ненормальная, барышня...

– А вы, дорогой мой, что, нормальный? У вас необыкновенное лицо. И вот, вы прячетесь, а оно выдает вас в толпе, не спрятаться золотой рыбке среди сотен головастиков. У вас ненормальное лицо, на нем написано, что вам здесь ничего не надо. А мы здесь все хвататели, мы – норма, а вы вне. И вот, вы работаете под спортсмена, и рост у вас баскетбольный, а вы ведь не спортсмен, и не рекорды на уме... Вот, ненормальная Зося сразу вас засекла. И вы решили, что я из милиции... Да протрите глаза! Вы взяли банк, а храбрая Зося сцапала вас? Не умею я цапать, но умею видеть. И я увидела вас и полюбила, что же тут дурного? Ах, надо было ждать, красоваться перед вами, да? А я, может, перед вами сто раз как пень вырастала, только вы этот пень обходили не глядя. Это нормально, да? Это вежливо? Ну что же, задушите меня в терновнике, если считаете, что я лейтенант. А лучше возьмите с собой... Вот – я навязываюсь вам, а даже не знаю, как вас зовут.

– Меня зовут Евгений, – сказал Антон. – И черт бы меня подрал, если я знаю, что с тобой делать. Простите, с вами. Да, барышня, банк я не брал, но лучше со мной не водиться.

– А я хочу водиться только с вами. Неужели так трудно понять?.. Ну, перекрашусь, перекрашусь!.. Что еще? Выщипать брови? Сменить джинсы на юбку? Может, остричься наголо?

– Понадобится – остригут...

– Значит, вы берете меня с собой?

– А куда?

– На край света, конечно.

– На самый край... Попробуем. Скажем так: отправляемся на прогулку в горы. И у вас, надеюсь, будет время исправить глупость, которую... это... доверившись первому встречному...

– Какое, черт возьми, благородство!

– Ну-ну... У нас, знаете, мало времени. Как и денег. Что, если я и впрямь позову вас брать кассу?

– Не понадобится, Женя. Может быть, я и ненормальная, но не дура. Я звонила сестре, она откупила у меня все мои сокровища и привезла деньги. У меня теперь четыре с лишним тысячи наличными.

– Как по-писаному... Ну, послезавтра утром, в восемь тридцать... да хотя бы на этом месте. Сможете дотащиться сюда с рюкзаком?

– Да.

– И чтоб никто нигде ничего... Лишнего не берите. Хороший коньяк, шоколад, если достанете – тушенку. Шерстяное одеяло получше, свитера... Жду вас ровно пятнадцать минут. А передумаете – не трепитесь обо мне, ладно? И завтра, где б ни увидели, ко мне не подходите. В каком вас корпусе поселили?

– В четвертом, комната триста двадцать шесть.

– А я во втором.

– Но я видела, как вы поздно вечером входили в девятый.

– А что, у нас это запрещено?

– Не уходите без меня, Женя!..

– Я пока еще друзей не надувал. А мы ведь, получается, теперь друзья... Ладно, топайте обратно в поселок, готовьтесь. Только не оборачивайтесь и не машите рукой.

– Эх, граф Монтекристо! Женщина битый час объясняется в любви, а вы отсылаете ее, не поцеловав.

– Зося, постарайтесь... ну, не шебуршиться... хотя бы эти – сколько там? – тридцать восемь часов. И чтоб никто не увязался за вами послезавтра. Из поклонников, так сказать.

– Слушаюсь! До встречи!

– До встречи, прекрасная Зося!

– Наконец-то! Бардзо дзенькую.

Антон глядел, как она спускалась, по пути срывая цветочки. Смешно спросить, но доживет ли он до послезавтра?

Он поднялся до грунтовой дороги и побежал неспешно, нащупывая ритм. Попал, вошел в него – и успокоился. Да, она права, рекорды устанавливать он не собирался. Бег помогал поддерживать форму, ту тревожную готовность, которую обретает олень, учуяв волчью погоню. Забавно надеяться, что от его волков могут помочь тренированные копыта. Хотя – кто знает, кто знает, наперед не углядишь. Бег выстраивает внутренний порядок, успокаивает. И всякие бредовые мыслишки тоже начинают бегать в голове. И из них иногда толк получается... как тогда с водительскими правами. Чистая английская работа: дело сделано, а никто не пострадал.

Но эта Зося... если не фальшивка, то – фантастика! Сонечка. Сонечко – по-украински солнышко. За что вдруг ему такая пруха?

А ведь растаял перед ней, растаял... По словам чушь выходит: люблю, на край света, сю-сю-колбасю... А глядишь и веришь, что правда. И сразу надежды дурацкие: вот бы... как славно... Сам бы уж не шебуршился бы! Прыгнуть в ущелье, о камень башкой – и вся любовь. И впрямь, что удерживает его от такой простоты? Страх? Вроде не только страх. Жажда жизни? Притупилась. Надежда? Он мог надеяться только на случай. Ну вот тебе, получай случай в чистом виде: явление Зоси. И это не меняет ничего. Послезавтра, возможно, он ее увидит и что-то прояснится. Что?.. Ну ладно, до послезавтра еще надо дожить. А ночевать в своем девятом корпусе ему больше не стоит. Зося его засекла. Значит... Значит, профессионалы уже бы его скушали, если б она на них работала... Да, а вдруг здесь штука тоньше? Поиски этого... художественного эффекта? Чтобы орден был подороже: заманили в безлюдное место и взяли как лопуха... но это чересчур артистично...

Зося добралась до места чуть раньше – на шесть минут, если верить капризным часикам. Она сбросила на траву набитый рюкзак и сама свалилась рядом. После оглянулась по сторонам – никого. Переменила футболку.

Подковообразная заросль терновника была как бы ступенькой посредине затяжного подъема. Скрытно подойти к ней можно было только с разомкнутого конца подковы – кусты и деревья тянулись отовсюду до самого леса. Но нигде ничего... Зося пнула рюкзак, и тот покорно лег на лопатки. Обманул... Как это глупо и как стыдно... Она позавчера могла показаться помешанной или шлюхой... Но он-то должен был понять! Разве ей легко было?.. Вот так, в кои то веки влюбиться до обморока... а он оказался мальчиком, играет в казаков-разбойников...

– Ну-ну, Зося, зачем же лупить по земле кулачками!

Она перевернулась на спину. Глаза блестели.

– К чему эти игры, Женя? Где вы были?

– А вона под тем кустиком...

– Неправда, не было там никого!

– Простите – правда. У нас в десантном батальоне я по этой части отличался, хоть и длинный.

– Так вы служили в десанте, это где все головорезы!..

– Не все, через одного... Вы отдохнули немного? Тогда в путь, пока не жарко.

Он вскинул ее рюкзак на плечо.

– Ого! Бедная девочка! Ну ничего, потом я вас немного разгружу.

И он повел ее меж кустами к лесу. Зося шла, не чувствуя себя. Полночи она молилась, прося послать ей прозрение. Так не делают, как она. На гигантской этой турбазе она нагляделась: бабоньки, вырвавшись из-под присмотра, глотали, не разжевывая. Какая-то сплошная собачья свадьба. Но никто не жег корабли. Это было как разминка, как лихой сеанс вольной пляски среди тягучих повседневных трудов. И они бы ее осудили: нельзя быть такой дурой.

– А где ваши вещи, Женя?

– Уже близко.

Рюкзак Антона был ему под стать. Переложив в него Зосины банки-склянки, Антон осторожно накинул ей на плечи лямки полегчавшего мешка, и они двинулись дальше, хорошо, что теперь уже не в гору.

– Как дивно в сосняке, правда? Я очень люблю сосны.

– Ага, – ответил Антон, – нам идти часа два, – потом поглядел на Зосю и поправился: – Во всяком случае, не больше трех. А потом поймаем попутку, трасса бойкая... Если вы не передумаете. Время пока есть.

– Ну что вы заладили! Мне и так страшно в лесу. Могли бы пожалеть...

– Дела, – сказал Антон. – Да, дела выходят у нас с вами...

– Черт возьми, пан не любит туристские нравы?

– Каждый свое понимает. О себе и о других...

– Ой, грибы ведь, грибы!

Три белых, похожих на горбушки хорошего ржаного хлеба, выросли на кочке совеем рядом с тропинкой.

– Не трогайте, – сказал Антон, – все равно у нас пропадут.

– Не могу. Хочу!

Она сбросила рюкзак, вынула из кармана складной ножик и на коленках поползла к горбушкам.

– Ой! – и опять: – Ой! Ой!

Это она с коленок увидала, что за тремя там, дальше, еще и еще. И все подчистила, что увидала. Потом срезала долгий прутик и нанизала добычу, как белка.

– Я к вашему рюкзаку прицеплю, ладно?

– Валяйте. Глупить – так на всю катушку.

Она продела прутик в петли мешка и тронула его за плечо. Он обернулся.

– А правда, мы уже привыкаем друг к другу?

– Угу.

И тогда они двинулись дальше. Она стала рассказывать о городке, в котором родилась, о старинной «солевой» церкви – построенной у месторождения соли – без единой железки – ни гвоздя, ни скобы, об особом мирке западноукраинского городка, но более всего о дяде Мирославе, который был «старым кава́лером» (принципиальным холостяком – пояснила она тут же) и который поражал русских коллег своей фантастической элегантностью: одних сорочек у него было две дюжины; а когда его спрашивали, зачем он не женился, лицо кава́лера становилось брезгливым, как у балованного кота, которому предлагают катышек хлеба: «Та про́шу я вас! Нэ люблю я того гармыдэру!» – то есть, значит, беспорядка.

– А вы, Зося, выходит, полька?

– Если вам так хочется, то да. Помните, как у Пушкина три сына литовского воеводы отправляются воевать добычу, а потом у каждого вместо злата и каменьев – полячка младая. А у нас в роду были и немцы, и гуцулы, кроме поляков. Но я чувствую себя русской – хитроумные родители отдали меня в русскую школу и подружки были дочки пришлого люда, а потом меня зачем-то еще понесло в бывший Петербург в лесотехническую академию, где совсем обрусела. А вот вы походите на викинга...

– Это которые морские разбойники средних веков? Так я с морем мало связан.

– А с разбоем?

Так шли они, эти двое, болтая, – мало ли туристов бродит летом в Карпатах! шла ненормальная барышня, вдруг забывшая о замужестве, с четырьмя тысячами в кармашке рюкзака, завернутыми в бумажную салфетку; и шел кавалер ее, страдающий, как видно, манией преследования, и покачивался прутик с грибочками у него за спиной; и вдруг показалось им, что они как единственная женщина и единственный мужчина на земле, и весь этот мир, такой великий и такой ничтожный, сделал бы лучше всего, если бы предоставил их самим себе...

– Вот мы и подошли к первому рубежу, – сказал Антон, – теперь вдруг и узнаем, какая вы есть на самом деле.

Солнце вкатилось в зенит. Попили из ручейка и умылись.

– Пора и перекусить, хозяйка. Только вот камешек уберу...

Он подошел к валуну, обросшему с севера сизоватым мохом, и, упершись в него руками, стал толкать под уклон.

– Давайте помогу, он же страшно тяжелый!

– Ничего, а как же я его сюда ставил?

Под камнем в сыром песке ползали какие-то многоножки. Антон взрыхлил песок ножом и выгреб руками.

– Клад викингов? – заулыбалась Зося.

Он вынул продолговатый сверток. Полиэтиленовый мешок долой, затем промасленные тряпки...

– Автомат?!

– Он самый. Десантный вариант, без приклада.

– Ой, Женя!..

– Хватит, противно! Пора колоться: Женя я – по липовому паспорту. Антоном зовут. Антон Гусев.

Когда начинается настоящая жизнь? Все, что было, казалось подделкой. Ну, школа, ясное дело, – не лицей, только пичкают тебя всяким, как гусака в клетке. Зато в школе были бокс и библиотека приключений. Купер, Дюма, Буссенар... А после школы – уже жизнь? Умерла мать, вместо института Антон пошел в шоферы, и дальше поехало само, будто за баранкой его жизни не он, а кто-то другой, серый и нудный, но очень настырный. Армия. Муштровали на совесть: парашют, стрельба, самбо. Лейтенант Воилов, мастер спорта, обучал каратэ. Антон – отличник, предлагали военное училище. Нет, это все не жизнь. Тоска ни от чего, и не с кем поделиться – не понимают. Девочки, тот самый сорт, что снисходят до солдата. Солдатский спорт: кто больше сумеет за вечер, за время увольнительной... Нет, думал все-таки, что жизнь – это совсем другое.

После дембеля остался во Владивостоке. Общежитие на Второй Речке – комната на четверых, а порядку меньше, чем в казарме. Единственный вид уважения – уважение к его способности набить любому морду. Пригласили сесть на директорскую «Волгу»: должность холуйская, зато времени до чертиков, можно перечитать все, что есть в библиотеке. Плюс отдельная комнатка в общежитии. Согласился, пошел в холуи. В университет поступил на вечернее – тоже от тоски. И все равно внутри порой вот так вот и сожмет до судороги – пустота.

Но ведь это уже точно – жизнь. Другой не дадут. А все время хочется другой.

И внезапно – Славик. Откуда он взялся такой? В восемнадцать лет, когда нормальный парень, вытолкнутый из школы, озирается дурак дураком, этот «вырабатывает мнение по вопросу соотношения идеала и действительности в русской литературе». Выпендривается? Да нет, во всем остальном наивный мальчик. Но среди однокурсников – как... как Шерлок Холмс в райотделе милиции. Пришелец, в общем. Никаких авторитетов. Ты скользишь, а он копает.

«Истина, только истина меня интересует». Ишь ты!.. Но столько знать и уметь так распутывать лживые кружева!.. Нашпигованный фантастикой, Антон готов был предположить, что Славик припутешествовал откуда-то... из знаменитого лицея, что ли... как в карете из Царского Села в Петербург. Тем более, что тот прочитывал «Юманите» столь же свободно и небрежно, как Антон – «Спорт»

Лучшим занятием стало приходить к этому вундеркинду и слушать. И впервые понял Антон, что значит дорожить свиданием. А Славик, с жаром делясь уже освоенными им вещами, вдруг останавливался и хлопал себя ладонью по лбу: приходила новая, неожиданная мысль: «Ну, Антон, честное слово, при тебе я умнею!»

Антон много раз встречал в книжках такое слово: талант. Видел способных ребят и даже служил с будущим чемпионом мира – но никогда прежде он не представлял, до чего интересно может быть человеку с другим человеком.

Славик жил вдвоем с матерью, Елизаветой Порфирьевной, и Антон внес в их дом то, что мог: мужскую крепкую руку. Он все починил, прибил, приклеил. Потом размерил стену в комнате и за несколько раз на директорской «Волге» привез отшлифованные доски для стеллажа – книжный развал мог когда-нибудь погрести под собой друга.

И в очередную субботу явился еще раньше, чем обычно.

– Немедленно бужу своего лентяя, – сказала Елизавета Порфирьевна, – и садимся завтракать. Сегодня – любимая ваша кета в кляре. И, заметьте, дорогой Антон Сергеич, – китайский чай. Из китайской даже банки.

– О-о-о-! – стонал Антон.

Его радовала каждая мелочь, связанная с этим домом.

И пока там художественно накрывалось на крахмальной скатерти – никогда прежде не видывал таких скатертей! – Антон пробовал дрель, сортировал уголки и шурупы. Для этого дома он работал с таким старанием и удовольствием, с каким ничего не делал для себя. Только вот... да, вот если нашего чудо-мальчика окрутит какая-нибудь ловкачка... в университете по коридорам они так и кружат, эти милые созданья... как вороны над цыплячьим выводком. Интересно, как эти куклы умеют подстраиваться... чувствуют, что мальчик воспринимает их всерьез. Он еще всех людей воспринимает всерьез, и ничего тут не попишешь, ничего... Только будет спотыкаться и падать, пока не придет к нему взрослое зрение. Антон даже хотел привести Славика в одну из тех компаний, где люди искренне пошлы, но боялся, что лекарство станет пуще болезни. Тамошние девки... Нет, не знал Антон, что надо делать.

После завтрака принялись за стеллаж.

– Нет, я уверен, что человек должен жить вовсе не для счастья, хотя счастья хочется каждому. И понимается это счастье чаще всего просто как сумма житейских благ и сладких удовольствий. Пока их нет, они заманчивы, а объешься – тошнит. Чего ты улыбаешься, как отец народов? Доказано, что исключительное стремление к счастью непременно заводит в тупик – и тем скорее, чем легче осуществляются желания. Достойной целью человека может быть только творческое – понимаешь – и оттого у всех неодинаковое – стремление к триаде: истина–добро–красота. Этому надо учиться, пробиваться надо сквозь такие заросли... Знаешь, человек двуног, но бывает хуже четвероногого.

– Откуда ж тебе-то знать?..

– Вижу. Чувствую по себе. Разрыв бывает ужасный. На одном полюсе минус пятьдесят, на другом – все кипит... И вот еще: скажем, страдать... никому неохота, все желают друг другу благополучия... а ведь без страдания ни черта понять невозможно!

– А как же насчет того, что высшая цель – всеобщее благо? Ведь оно-то как раз без страданий?

– О! Вот я и хотел тебе зачесть из умной книжки. Слушай: «Когда я служу собственному удовольствию и счастью, то это не имеет никакой нравственной цены, но служить удоволь-

ствию и счастью Петра и Ивана и даже всех Петров и Иванов на свете – тоже не имеет никакой нравственной цены, потому что мое удовольствие и счастие и удовольствие и счастие Ивана совершенно равноценно... Да и к тому же, если постыдно для человека посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствию, то не менее постыдно обратить себя в орудие чужого наибольшего удовольствия». Старомодно выражено, но точно схвачено.

– Ладно, Иваны Иванами, да только мне не хочется, чтобы ты страдал. И Елизавете Порфирьевне, между прочим, тоже. Нам как раз и мечтается, чтобы у тебя были эти самые блага...

– А тебе не приходило в голову, что людям вообще хочется того, что для них гибельно?.. И почему-то ни один философ не дошел до истины, которая стала бы истиной для всех. Может быть, мир человеческий несет в себе загадку, которую сам разгадать не может. Или еще не время, не созрел... Или должно еще нечто народиться?.. А все лучшие люди – тоже загадки. Просты обычно те, что хуже четвероногих. И полюса, разрывы, бездны... И все-таки надо искать, каждому надо, несмотря ни на что!.. Какая скрытая мудрость бывает в обыкновенных сказках: пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю, что!.. Это и есть, быть может, страшная загадка человека... А то написали: человек создан для счастья, как птица для полета. А почему не для накопления, как пчела для взятка? Не для суеты, как муравей? Не для ленивой тины, как карась? Нет, только создатель человека знает – для чего...

Так они могли говорить часами. Перескакивая, карабкаясь, блуждая.

И вот, духовно старшему исполнилось девятнадцать, потом двадцать. И не знали они во всем Владивостоке (а уж тем более в дохлом университете) человека, который мог бы помочь им в пути.

– Тошенька, – всхлипывала на кухне Елизавета Порфирьевна, – Это такое счастье, что Славушка тебя встретил! Ты знаешь, я не могу похвастать здоровьем... Всем страшно умирать, но с матерями дело особое. Я вот читаю в газетах о заброшенных детьми старухах – и завидую им! Я бы хотела лучше быть уже ненужной и заброшенной, чем ежеминутно дрожать за него... Честно говоря, никакого смысла в моей жизни, кроме Славки, не было. А он – особенный, ты знаешь. Он свой смысл найдет, но в нашей жестокой заварухе он птенец. Которые бросают матерей за ненадобностью – вот они-то приспособлены, а он сломает ногу там, где другой – как на перине... А ты – сила. Ты его поддержишь, если что.

– Ну, – сказал Антон, – была сила, когда матка носила. Я вот наоборот, когда с ним – успокаиваюсь. А один – как взболтанный, ни фига не понять. Только вижу, что меня надувают, но не разбираюсь, кто и за что.

– А почему бы тебе не переехать к нам? Сколько можно по общагам колотиться?

– Нет, Елизавета Порфирьевна, не стоит. Я вот встаю утром и вспоминаю, что есть дом, где меня ждут. И чуть что – к вам. А у Славика новые идеи, а вы меня – как сына... Чего лучше? А в общаге у меня только это... жизнь тела. И, как бы это сказать, подруги...

– Дело молодое. Быль молодцу не укор... Я вот за Славку переживаю. Ты заметил?..

– Я давно понял. Он как бы хотел переговорить, но сдержался. Он стеснительный и думает, что только с ним... А принцессу я видел, на машине ехал за ними по Уборевича, как шпион. Возле телевидения они на скамеечку сели. Она ничего себе, но... балованная. Не такую хотел бы я с ним рядом...

– Ох, Тошенька, это наше с тобой испытание!..

– Я понимаю. Вмешательством можно напортить.

Эх, Антон! Напортить можно всяко – и вмешательством, и невмешательством. И не пытался ли растолковать тебе Славик, что добро надо творить, оно не продается готовым в лавке, не вырабатывается на фабрике миллионами тонн, оно может взрасти в тебе, а может и не взрасти; и когда оно есть в тебе и побуждает к действию, – действуй и ничего не бойся. Как пожалеешь ты, Антон, о своем невмешательстве, как пожалеешь!

Принцесса пригласила Славика на свой день рождения, обещая на все ответить. Ей нравилось с ним бывать: он забавный, знает, кого любил Гете, почему не дружили Достоевский и Тургенев и что сказал Альфред де Мюссе о Жорж Санд. Но... Бывает, забудется – не с профессором гуляет! И поскачет, поскачет, ничего не понять, как в политэкономии. Ей девчонки завидовали, считалось престижным с ним ходить, только неужели ждать, когда он кем-то станет? А и станет ли? Не зайдет ли ум за разум? Гегели-шмегели хороши в кино... А жизнь коротка, ребята приходят из загранки и привозят такие японские штучки – не устаешь любоваться. Нет, жить надо сейчас, не откладывая, и жить красиво, чтобы уродские дуры сохли от зависти. А жить можно, для этого у нас созданы все условия, только понимать надо, что рыба хек – она нарочно для дураков придумана, чтоб подавились ею. Соболей всегда будет горстка против тучи кроликов – и ты теперь, именно теперь, пока оборачиваются на тебя на Ленинской, выберешь, какого меха ты достойна. Вот так, братцы-кролики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.